2. Флиер А. Я., Полетаева М. А. Тезаурус основных понятий культурологии. М.: МГУКИ, 2008.

3. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: МГУКИ, 2009.

Александр Юрьевич Крамер

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
aykramer@gmail.com

ЖУРНАЛИСТИКА В КУЛЬТУРЕ: ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТЬ И «ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ»

Рассматривается фактор человекообразности, ключевой для воспроизводства журналистики в культуре. Тотальная «цифровизация» интеллектуальной деятельности (и журналистики, в частности) несет в себе фундаментальный риск потери журналистикой человекообразности и, как следствие, риск исключения ее из воспроизводства в культуре.

Ключевые слова: журналистика, культура, человекообразность, культурный объект, цифровая трансформация.

Медиа в целом (и пресса, в частности) существуют, сохраняются и воспроизводятся в культуре в форме «культурных объектов» (в указанном П. Бурдье смысле [1]). Культурный объект существует в единстве процессов распремечивания артефактов в «человеческое содержание» практик [3] и опредмечивания практик в артефакты. В рабочем порядке мы определяем практику как комплекс не эксплицированных знаний и умений в решении практических задач, а также правил и коллективных норм, стоящих за объяснительными парадигмами (возможных в данной культуре в данный момент) [2: 14–23]. Артефакт распремечивается в одну или несколько практик, практика может опредмечиваться в один или несколько артефактов. Для воспроизводства культурного объекта необходим хотя бы один артефакт.

В рабочем порядке мы устанавливаем, что человекообразность (далее — ЧР) есть сумма неустранимых ограничений, которую человек (и только человек) как существо естественное накладывает на практики, равно как и на любые социальные структуры коллективной жизни [4: 108]. Любая практика — это ЧР, поскольку человек есть условие и воплощение практики. В практиках могут распремечиваться и опредмечиваться не-ЧР-артефакты — с помощью преобразующих размерность «артефактов-посредников», имеющих ЧР-интерфейсы управления.

Артефакт в любой «электронной» форме (в том числе компьютерный файл) — не человекообразен. В практиках доступен только его образ в ЧР-устройстве-посреднике. В частности, артефакт выведен за пределы практики: ни изменить его, ни контролировать изменения напрямую невозможно; человек в этом полностью зависим от устройств-«посредников» и их ЧР-интерфейсов. Как следствие, имеет место подмена: подлежат воспроизводству как культурные объекты не сам «электронный» артефакт и практики его распремечивания, а ЧР-устройство-посредник (с интерфейсом доступа к образу артефакта) и практики распремечивания этого устройства.

В рабочем порядке определим журналистику как комплекс взаимосвязанных культурных объектов, легитимно актуализирующих общественно значимые смыслы в повседневном «здесь и сейчас». Ключевой артефакт журналистики — это результат «упаковки» творческой работы журналиста (актуализация смысла) в конечный журналистский продукт определенного формата. Ключевые артефакты журналистики до появления электрического телеграфа имели ЧР; журналистский продукт распределялся в практиках множественного воспроизведения и доставки и затем опредмечивался в персональную копию потребителя; далее персональная копия распределялась в практиках реактуализации смысла конечным потребителем журналистского продукта. Отметим, что реактуализация смысла потребителем возможна только при наличии в артефакте маркеров «общего знания» [5], определяющих артефакт в целях практики именно как журналистский). «Электронный» продукт журналистики (в том числе компьютерный) — принципиально не-ЧР; в практиках реактуализации смысла конечным потребителем распределяется персональная копия не продукта, но его образа вместе с ЧР-устройством преобразования размерности, через которое образ дан. Совокупность образа и устройства-носителя-посредника (medium в прямом маклюэновском смысле) воспринимается потребителем как сам артефакт (продукт).

«Цифровизация» любой интеллектуальной деятельности несет риск фундаментальной подмены артефакта его образом в устройстве-посреднике (вместе с самим устройством). При этом, поскольку реальный не-ЧР-артефакт выводится из практики и более не является частью культурного объекта, он не будет подлежать сохранению в культуре и его место займут ЧР-устройства-посредники. Что же касается образа, он будет сохраняться как самостоятельный артефакт, пока маркеры «общего знания» работают триггерами практик реактуализации смысла. Как только эти маркеры будут выведены из практик, журналистика исчезнет — останется только информатика.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.
2. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008.
3. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
4. Петров М. К. Человеческая размерность и мир предметной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 4. С. 108–118.
5. Shteynberg G., Hirsh J. B., Bentley R. A., Garthoff J. Shared worlds and shared minds: a theory of collective learning and a psychology of common knowledge // Psychological Review. 2020. Vol. 127. No. 5. P. 918–931.

Валентина Дмитриевна Мансурова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

mvd1951@mail.ru

ЖУРНАЛИСТ И КУЛЬТУРА:

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

Актуализируется проблема двойственной интенции журналиста, коммуницирующего в пространстве современной медиакультуры. Противоречивость чувств и установок приводит